

Оригинальная статья

УДК 330.59, 365

JEL I31, P36, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104

EDN AUWQTH

Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств

Елена Валерьевна Одинцова

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Аннотация

Цель исследования, представленного в рамках данной публикации, заключается в развитии и уточнении методологических и инструментальных решений для изучения уровня жизни в контексте выявления его (не)устойчивости. Эмпирическую основу исследования составили микроданные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, а также выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата. Предложена обобщающая характеристика уровня жизни с позиции оценивания его (не)устойчивости на основе «нормативной рамки» – критериальных социальных стандартов, фиксирующих требования к покупательной способности по душевым денежным доходам, качеству жилищных условий, наличию и объёму сбережений. Проведена классификация домохозяйств на основе соответствия критериальным социальным стандартам идентификации устойчивого уровня жизни. Выявлено, что устойчивый уровень жизни среди российских домохозяйств с детьми отличается 0,3%, среди домохозяйств без детей – 2,4%. У 65,2% домохозяйств с детьми и 48,5% домохозяйств без детей уровень жизни является неустойчивым, не достигая критериальных социальных стандартов по всем трём применяемым критериям. Остальные домохозяйства (34,5% и 49,1%) находятся в переходных группах, не соответствуя одному или двум критериальным стандартам. Показано, что комплексное, многокритериальное измерение (по сравнению с однокритериальным) позволяет уточнить оценки распространённости неустойчивого уровня жизни среди домохозяйств: доля домохозяйств с неустойчивым уровнем жизни снижается с 70,0–96,7% (в зависимости от критерия) среди домохозяйств с детьми и с 67,4–87,9% среди домохозяйств без детей до 65,2% и 48,5%, соответственно, при многокритериальном оценивании. Предложенный подход к изучению уровня жизни с позиции оценивания его (не)устойчивости рассмотрен в ракурсе других направлений исследований (социально-экономического неравенства, прекаризации, социальной мобильности).

Ключевые слова: уровень жизни; устойчивость; неустойчивость; критериальные социальные стандарты; покупательная способность; качество жилищных условий; сбережения; домохозяйства

Для цитирования: Одинцова Е.В. Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 EDN AUWQTH

RAR (Research Article Report)

JEL I31, P36, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104

On the Sustainability of the Standard of Living of Russian Households

Elena V. Odintsova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Abstract

The purpose of the research presented in this publication is to develop and refine methodological and measurement approaches for studying the standard of living in the context of identifying its (un)sustainability. The empirical basis of the study draws on microdata from The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), as well as a sample survey of household budgets by Rosstat. A generalized characteristic of the standard of living is proposed from the point of view of assessing its (un)sustainability based on the "normative framework" – criteria-based social standards that specify for purchasing power of per capita monetary income, quality of housing conditions, availability and volume of savings. The classification of households based on compliance with the criterion social standards of identification of a sustainable standard of living is carried out. It was revealed that 0.3% of Russian households with children have a sustainable standard of living, while 2.4% of households without children have a sustainable standard of living. In 65.2% of households with children and 48.5% of households without children, the standard of living is unsustainable, not reaching criterion social standards according to all three criteria applied. The remaining households (34.5% and 49.1%) are in intermediate groups, not meeting one or two criterion social standards. It is shown that a complex, multi-criteria measurement (compared with a single-criterion one) makes it possible to increase the accuracy of estimating the prevalence of unsustainable living standards among households: the proportion of households with unsustainable living standards decreases from 70.0–96.7% (depending on the criterion) among households with children and 67.4–87.9% among households without children, to 65.2% and 48.5%, respectively, with a multi-criteria assessment. The proposed approach to studying the standard of living from the perspective of assessing its (un)sustainability is considered from the perspective of other research areas (socio-economic inequality, precarization, social mobility).

Keywords: standard of living; sustainability; unsustainability; criterion social standards; purchasing power; quality of housing conditions; savings; households

For citation: Odintsova E.V. On the sustainability of the standard of living of Russian households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 (In Russ.)

© Одинцова Е.В., 2026

Введение

Проблематика устойчивости положения (работников, домохозяйств, населения) стала одной из активно разрабатываемых в современных исследованиях в связи с быстрым развитием гибких форм занятости, переходом от стандартной к нестандартной занятости [1; и др.], негативными социально-экономическими последствиями, вызванными финансовыми кризисами, пандемией COVID-19 [2; и др.].

В работах, затрагивающих вопросы уровня жизни, устойчивость, как правило, рассматривается в рамках отдельных тематических направлений, предметно исследуя конкретный «срез» уровня жизни. Экономическая (не)устойчивость определяется на основе (не)достижения (с учётом доходов домохозяйств) уровня покупательной способности, обеспечивающей определённые стандарты жизни (см., например, [3]). Как выявлено в [4], большинство российских домохозяйств с детьми характеризует экономическая неустойчивость, масштабы которой (более 80,0%) варьируют в зависимости от числа детей в домохозяйствах [4, с.123].

В фокусе других исследований – финансовая (не)устойчивость, обусловленная наличием/отсутствием сбережений, задолженностей, закредитованности и т.п. [2; 5; 6; и др.]. По оценкам исследователей, порядка 60,0% российских домохозяйств являются финансово неустойчивыми (без ликвидных активов и/или с признаками перекредитованности).¹ Проблема финансовой неустойчивости также актуальна и для европейских стран: более 30,0% домохозяйств ЕС не в состоянии справиться с непредвиденными расходами, в ряде стран ЕС доля домохозяйств со сберегательными счетами не достигает 50,0%, а консолидированный долг домохозяйств в процентах к ВВП в среднем по ЕС составляет около 60,0% [5].

Неустойчивость положения также проявляется при наличии различных проблем в аспекте условий проживания: связанных с жилищем (стоимость жилья, расходы на него, ненадёжность, стеснённость, качество благоустройств и т.п.) и/или районом проживания (безопасность, доступность основных социально значимых услуг и т.п.) [7; 8; 9; 10; 11; 12; и др.]. В европейских странах показатели распространённости жилищной устойчивости наиболее высоких значений достигают в Норвегии, Швеции, Нидерландах, Дании, Германии, Финляндии и Австрии (более 60% населения), при этом ситуация различается для владельцев и арендаторов жилищ [8]. Исследование жилищной устойчивости для российских

условий, учитывающей показатели не только в аспекте жилища, но также и населенного пункта (района) проживания, выявило её наличие менее чем у 20% населения [12].

В целом сложившийся научный дискурс характеризуется проработкой отдельных актуальных аспектов уровня жизни при исследовании его с позиции (не)устойчивости, не позволяя составить комплексную, объёмную картину сложившейся ситуации. Научная проблема исследования заключается в фрагментарности изучения устойчивости уровня жизни домохозяйств, что препятствует его осмыслению как комплексного концепта, выявлению особенностей (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств в контексте её неоднородности (разная концентрация признаков неустойчивости) и изменчивости (динамика ситуации).

Объект исследования – российские домохозяйства, *предмет* – (не)устойчивость уровня жизни домохозяйств. *Цель* исследования состояла в развитии и уточнении методологических и инструментальных решений для изучения уровня жизни в контексте выявления его (не)устойчивости. В исследовании решались следующие задачи:

- обобщить применяемые в авторских исследованиях методологические и инструментальные разработки к измерению уровня жизни в парадигме «устойчивость» – «неустойчивость»;
- предложить обобщающую характеристику уровня жизни с позиции оценивания его (не)устойчивости на основе критериальных социальных стандартов и классификацию домохозяйств на её основе;
- провести количественное оценивание представленности групп по (не)устойчивости уровня жизни среди российских домохозяйств;
- рассмотреть предложенный подход к изучению уровня жизни в парадигме «устойчивость» – «неустойчивость» в контексте других направлений современных исследований.

Гипотеза исследования: многокритериальное измерение (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств позволит уточнить масштабы данного явления по сравнению с его однокритериальным измерением.

Теоретические и методологические положения

В научной литературе сложились различные трактовки «уровня жизни», в том числе теоретические основы данного понятия формализуются во взаимосвязи с понятиями «благополучие» и «благополучие», определяя его различные дефиниции, наполнение (объективное и/или субъективное) и индикаторную базу (конкретные индикаторы и показатели) для измерения уровня

¹ Бедный не значит финансово неустойчивый // HSE-daily: [сайт]. URL: <https://daily.hse.ru/post/bednyi-ne-znacit-finansovo-neustoiciviy> (дата обращения: 10.01.2026).

жизни² [13; 14; и др.]. Так, «уровень жизни» может иметь «пересечение» с «благополучием» в значении объективных характеристик уровня жизни³, и «благополучием» – в контексте удовлетворения потребностей физического выживания и материального накопления («объективный уровень жизни») [13].

В данной работе уровень жизни понимается как «потребление материальных, духовных и социальных благ, обусловленное экономическим и социальным положением» [15, с. 351] и оценивается в парадигме «устойчивость»–«неустойчивость». В концептуальном плане устойчивость, анализируемая на микроуровне (домохозяйства, индивиды), может трактоваться как способность противостоять и преодолевать стрессовые ситуации (кризисы), сохранять и совершенствовать навыки и активы, способность вернуться к прежнему уровню благосостояния после различных шоков (например, потеря работы)⁴ [4; 16; 17]. Таким образом, устойчивость понимается как адаптивность и связывается с имеющимся у домохозяйств потенциалом (состоянием здоровья, финансовыми ресурсами, способностью подготовиться к негативным воздействиям, и пр.)⁵ Устойчивость также может связываться с определённым позиционированием в социально-экономической структуре. Например, неустойчивость описывает состояние, при котором домохозяйство преодолело бедность, но не достигло определённого материального благополучия (учитывается уровень доходов (60–100% медианного эквивалентного дохода) и наличие материальных деприваций) [18], т.е. имеются ненадёжность положения и риски нисходящей мобильности.

² Овчарова Л.Н. Благополучие // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/blagosostoianie-acd317> (дата обращения: 26.01.2026).

³ Там же.

⁴ RIMA-II: Moving Forward the Development of the Resilience Index Measurement and Analysis Model. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/0b55901e-7961-4b87-b31a-4a45a9306bf6/content>. (дата обращения: 11.01.2026); Guidance Note. Application of the Sustainable Livelihoods Framework in Development Projects (2015). United Nations Development Programme. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/latinamerica/UNDP_RBLAC_Livelihoods-Guidance-Note_EN-210July2017.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

⁵ Béné C., Wood R.G., Newsham A., Davies M. Resilience: New Utopia or New Tyranny? Reflection about the Potentials and Limits of the Concept of Resilience in Relation to Vulnerability Reduction Programmes. IDS Working Paper 405. Brighton: Institute of Development Studies, 2012. 61 p. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.2040-0209.2012.00405.x> (дата обращения: 11.01.2026); Guidance Note. Application of the Sustainable Livelihoods Framework in Development Projects. UNDP, 2015. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/latinamerica/UNDP_RBLAC_Livelihoods-Guidance-Note_EN-210July2017.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

Устойчивость в контексте отсутствия прекаризованности, ненадёжности в исследованиях, затрагивающих проблематику уровня жизни, разрабатывается применительно к условиям проживания, в том числе, качеству жилища. В данном случае устойчивость определяется отсутствием признаков, характеризующих жилище ((не) доступность жилья, его качество, тип владения жильём и пр.) и/или выходящих за его рамки (качество района проживания и т.п.) [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Устойчивость также может рассматриваться как способность сохранять потребление в случае экономических шоков⁶, измеряемая через выявление наличия сбережений как финансового резерва, «страховки» и их размера, уровня закредитованности и пр. [2; 6; 19], т.е. в данном случае речь идёт о финансовой устойчивости.

Применительно к уровню жизни устойчивость рассматривается нами в следующих аспектах (ракурсах).

1. Домохозяйственный ракурс устойчивости уровня жизни. Уровень жизни является домохозяйственной характеристикой, поскольку потребление осуществляется именно в домохозяйствах. Ресурсы для потребления (источники доходов) формируются с учётом «вклада» членов домохозяйства (участие в приносящей доход занятости) и перераспределяются в нём с учётом имеющейся иждивенческой нагрузки (наличие и число неработающих по различным причинам членов домохозяйства). В данной работе оценивание (не) устойчивости уровня жизни проводится в сравнении для двух типов домохозяйств – с детьми, характеризующихся более высокими рисками бедности, уязвимости положения (см., например [4; 20; 21; и др.]), и без детей.

2. Воспроизводственный ракурс устойчивости уровня жизни. (Не)устойчивость определяется при оценивании типа воспроизводства (суженное, простое, расширенное) уровня жизни домохозяйств с позиции *многомерности*, т.е. не по одному универсальному критерию, а по ряду критериев, позволяющих составить комплексную картину положения домохозяйств. В качестве таких критериев нами используются следующие – покупательная способность по денежным доходам, сбережения и жилищная обеспеченность (см., например [4; 22]). Данные критерии являются «базовыми» с точки зрения применения при изучении уровня жизни, в том числе с позиции оценивания в ракурсе экономической, финансовой или жилищной (не)устойчивости [2; 8; 14; и др.].

⁶ Бедный не значит финансово неустойчивый // HSE-daily: [сайт]. URL: <https://daily.hse.ru/post/bednyi-ne-znacit-finansovo-neustoicivyi> (дата обращения: 10.01.2026).

Определение устойчивости проводится на основе сопоставления фактических характеристик уровня жизни домохозяйств с «*нормативной рамкой*» (рисунок 1), включающей социальные

стандарты, фиксирующие пороговую границу перехода от простого к расширенному воспроизводству уровня жизни.

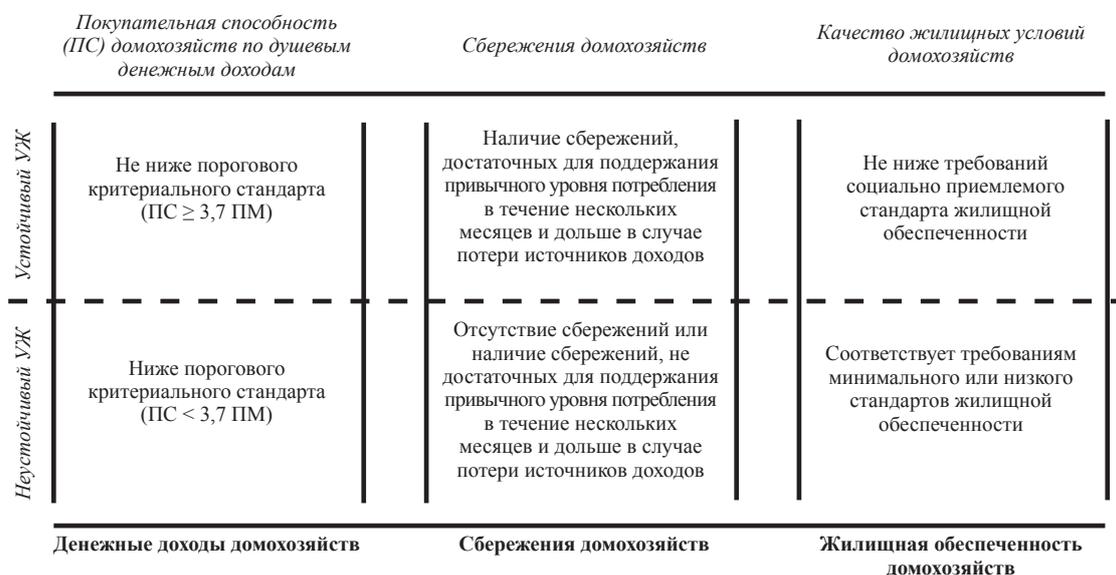

Рисунок 1. Система социальных стандартов для оценивания устойчивости уровня жизни (УЖ) домохозяйств
 Figure 1. The System of Social Standards for Assessing the Sustainability of Household Living Standards

Источник: составлено автором.

2.1. Социальные стандарты покупательной способности по душевым денежным доходам (ПС по доходам) для определения (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств. Согласно разработкам, сделанным при участии автора, критериальным стандартом перехода от простого к расширенному воспроизводству уровня жизни является ПС по доходам, соответствующая величине 3,7 прожиточных минимумов (ПМ; 2024 г.). Теоретико-методологическую основу данного критериального стандарта составляют социально приемлемый потребительский бюджет [4; 23], а также информативно-статистический индикатор (среднее значение, X_{fc}) в логнормальном распределении населения по уровню среднедушевых денежных доходов [3]. Данный критериальный стандарт идентифицирует социально приемлемый уровень потребления, позволяя (в отличие

от стандартов более низкого достатка, ориентированных на суженное и простое воспроизводство уровня жизни) удовлетворять более широкий перечень социально значимых потребностей, включая поддержание здоровья членов домохозяйства, повышение квалификации работающих лиц в домохозяйстве, образование и культурное развитие детей и пр., предусматривает финансовое самострахование (резерв) и накопления для улучшения жилищных условий [3; 23]. Соответствие данному стандарту определяет уровень жизни домохозяйств как устойчивый, не соответствие – даёт основание оценить его как неустойчивый.

Идентификация (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств на основе данного критериального стандарта также позволяет определить их позиционирование в социально-экономической структуре по уровню жизни (таблица 1).

Таблица 1

Социальные стандарты для оценивания уровня жизни, типа его воспроизводства и (не)устойчивости

Table 1

Social Standards for Assessing the Standard of Living, the Type of Its Reproduction and (Un)sustainability

Критерии уровня жизни	Социальные стандарты для оценивания уровня жизни	Группы по уровню жизни на основе социальных стандартов	Оценивание типа воспроизводства уровня жизни	Оценивание (не) устойчивости уровня жизни
Покупательная способность	ПС менее 1 ПМ*	Наименее обеспеченные (бедные)	Суженное	Неустойчивый

Продолжение Таблицы 1

Критерии уровня жизни	Социальные стандарты для оценивания уровня жизни	Группы по уровню жизни на основе социальных стандартов	Оценивание типа воспроизводства уровня жизни	Оценивание (не) устойчивости уровня жизни
(ПС) домохозяйств по душевым денежным доходам	ПС от 1 до 2 ПМ	Низкообеспеченные	Суженное	
	ПС от 2 до 3,7 ПМ	Обеспеченные ниже социально приемлемого уровня	Суженное, простое	
	ПС не менее 3,7 ПМ	Обеспеченные на социально приемлемом уровне, высокообеспеченные	Расширенное	Устойчивый
Качество жилищных условий домохозяйств	Минимальный стандарт (МСт): размер площади жилья – жилая площадь не менее 6 м ² /чел.; благоустройство жилья – наличие централизованного электро-, водоснабжения (автономного водоснабжения**), центрального (индивидуального**) отопления и централизованной канализации	Наименее обеспеченные (бедные по жилищцу; с наиболее плохими жилищными условиями (ЖУ)) (при не соответствии МСт) Низкообеспеченные (с плохими ЖУ; при соответствии МСт)	Суженное	Неустойчивый
	Низкий стандарт (НСт): размер площади жилья – общая площадь не менее 16 м ² /чел.; благоустройство жилья – не ниже МСт, а также наличие горячего водоснабжения, ванны/душа, напольной плиты (газовой/ электрической)	Обеспеченные ниже социально приемлемого уровня (с ниже социально приемлемых ЖУ)	Суженное, простое	
	Социально приемлемый стандарт (СПСт): размер жилья – общая площадь не менее 23 м ² /чел.; благоустройство жилья – не ниже НСт, а также наличие доступа в Интернет; просторность жилья – количество жилых комнат соответствует числу проживающих	Обеспеченные на социально приемлемом уровне (с социально приемлемыми ЖУ)	Расширенное	Устойчивый
	Высокий стандарт (ВСт): размер жилья – общая площадь не менее 40 м ² /чел.; благоустройство жилья – не ниже СПСт; просторность жилья – количество жилых комнат превышает число проживающих	Высокообеспеченные (с хорошими ЖУ)	Расширенное	
Сбережения домохозяйств	Отсутствие сбережений или наличие сбережений, которых не достаточно для поддержания привычного уровня потребления в течение нескольких месяцев и дольше в случае потери источников доходов	Наименее обеспеченные (бедные), низкообеспеченные, обеспеченные ниже социально приемлемого уровня	Суженное, простое	Неустойчивый

Окончание Таблицы 1

Критерии уровня жизни	Социальные стандарты для оценивания уровня жизни	Группы по уровню жизни на основе социальных стандартов	Оценивание типа воспроизводства уровня жизни	Оценивание (не) устойчивости уровня жизни
	Наличие сбережений, которых достаточно для поддержания привычного уровня потребления в течение нескольких месяцев и дольше в случае потери источников доходов	Обеспеченные на социально приемлемом уровне, высокообеспеченные	Расширенное	Устойчивый

* ПМ – прожиточный минимум в среднем на душу населения.

** Для сельских населенных пунктов.

Источник: составлено автором.

2.2. Социальные стандарты сбережений для определения (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств. Сбережения являются важным ресурсом уровня жизни (резерв, «страховка», накопления для повышения стандартов потребления – например, улучшение жилищных условий [23]), а их покупательная способность обеспечивает устойчивость потребления в случае наступления различных неблагоприятных обстоятельств. Наличие сбережений, их объём и покупательная способность дифференцируют стандарты потребления разных групп по уровню жизни. Они повышают потенциальную покупательную способность домохозяйств и применяются в исследованиях для идентификации групп со средним уровнем жизни [24; 25; и др.], построения вертикальной стратификации по жизненным шансам и рискам [26; 27; и др.]. Согласно разработкам с участием автора [22], по критерию сбережений об устойчивости уровня жизни домохозяйств можно сделать вывод при наличии у них сбережений, которых хватит для поддержания привычного уровня потребления в случае неблагоприятных обстоятельств (потеря источников доходов) в течение нескольких месяцев и дольше. В зависимости от времени применения сбережений для поддержания привычного уровня жизни их покупательная способность может меняться.

2.3. Социальные стандарты жилищной обеспеченности для определения (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств. Обеспеченность жильём, качество жилищных условий является одной из базовых характеристик уровня жизни. Для их оценивания с участием автора разработана система социальных стандартов жилищной обеспеченности (см., например [22]), взаимосвязано учитывающих площадь, просторность и благоустроенность жилья. Данные стандарты позволяют дифференцированно оценивать качество жилищных условий (от наиболее плохих

до хороших). Критериальным стандартом перехода от простого к расширенному воспроизводству уровня жизни является социально приемлемый стандарт жилищной обеспеченности [4], который обеспечивает удовлетворение потребности в жилье на соответствующем уровне, потребление услуг и комфортность проживания для нормальной жизнедеятельности, отдыха и восстановления работающих членов домохозяйства, развития и воспитания детей (таблица 1). Стандарты жилищной обеспеченности также позволяют определить позиционирование в социально-экономической структуре по уровню жизни и его (не) устойчивости (таблица 1).

3. Устойчивость уровня жизни как обобщающая характеристика и классификация домохозяйств на её основе. На основе выделенных критериев уровня жизни для его оценивания с позиции (не)устойчивости может быть составлена интегральная характеристика, позволяющая дифференцировать домохозяйства в зависимости от концентрации критериев, по которым домохозяйства (не) преодолевают критериальные стандарты, идентифицирующие устойчивость их уровня жизни (рисунок 2). С позиции интегрального оценивания как устойчивый уровень жизни идентифицируется при условии, что домохозяйства преодолевают социальные стандарты, определяющие расширенное воспроизводство уровня жизни, по каждому из трёх предложенных критериев (таблица 1). Несоответствие критериальному социальному стандарту хотя бы по одну из критериев не может трактоваться как устойчивый уровень жизни. Домохозяйства, которые удовлетворяют требованиям по всем трём критериям, нами классифицируются как имеющие устойчивый уровень жизни. Если домохозяйства не по одному из трёх критериев не достигли требований данных социальных стандартов, уровень их жизни идентифицируется нами как неустойчивый, и

эти домохозяйства относятся в «полярную» относительно первой группу – с неустойчивым уровнем жизни. Домохозяйства, у которых устойчи-

вость уровня жизни не обеспечена по одному или двум из трёх рассматриваемых критериев, нами относятся к переходным группам.

Рисунок 2. Идентификация (не)устойчивого уровня жизни домохозяйств и их классификация
 Figure 2. Identification of the (Un)sustainable Standard of Living of Households and Their Classification

Источник: составлено автором.

4. Динамический ракурс устойчивости уровня жизни. Данный ракурс связан с выявлением стабильности (неизменности) устойчивости уровня жизни домохозяйств и их позиционирования в соответствующих группах. Стабильность может определяться разными «факторами»: стадия жизненного цикла [24], межпоколенная мобильность [28; 29; 30], социально-экономические условия [4; 16]. Стабильность, в отличие от устойчивости, имеющей однозначную дихотомическую (позитивную/негативную) характеристику (устойчивость–неустойчивость), является менее однозначной. Её позитивное/негативное содержание зависит от «стартовой точки» наблюдения (устойчивость/неустойчивость) и направления мобильности (восходящая/нисходящая/неизменность). В данной работе этот аспект на эмпирическом уровне (в части количественных оценок) предметно не рассматривается. Выявление динамики уровня жизни домохозяйств и их перемещения между группами с неустойчивым – устойчивым уровнем жизни будет предметом отдельного исследования.

Данные и методы

Эмпирические данные для количественного оценивания представленности домохозяйств в группах по (не)устойчивости уровня их жизни получены на основе микроданных 33 волны (2024 г.; наиболее актуальные микроданные на момент проведения оценивания) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁷ (далее – РМЭЗ). Были востребованы данные массива по домохозяйствам (4,9 тыс. ед.), среди которых анализ проводился дифференцированно для домохозяйств с детьми (25,4%) и без детей (74,6%).⁸ Для анализа были использованы сведения (соответствующие пере-

⁷ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.spc.unc.edu>).

⁸ Распределение домохозяйств по наличию детей в выборке РМЭЗ сопоставимо с распределением (23,1% и 76,9%) по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. – См.: Всероссийская перепись населения 2020 года // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 26.01.2026).

менные в массиве РМЭЗ по домохозяйствам), характеризующие жилищные условия (размер площади, виды благоустройств и пр.), наличие и объём сбережений⁹, размер денежных доходов домохозяйств. Для оценивания ПС по доходам в массив РМЭЗ были введены данные о величине прожиточного минимума в среднем на душу населения в регионе проживания домохозяйства. Дополнительно для целей сопоставления в рамках дискуссии были использованы микроданные массива 33 волны РМЭЗ по индивидам (12,0 тыс. чел.), а также микроданные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата¹⁰ (ОБДХ) (2023 г. – наиболее актуальные

микроданные на момент проведения оценивания) со сведениями по размеру денежных доходов и субъективным самооценкам – финансовое положение и позиционирование по 9-балльной шкале («лестница» от «1» – «нищие» до «9» – «богатые»). Обработка данных проводилась в IBM SPSS и MS Excel.

Результаты исследования

На лепестковых диаграммах (рисунки 3 и 4) представлены результаты оценивания, сколько домохозяйств не соответствуют критериальным стандартам для определения устойчивого уровня жизни отдельно по каждому из трёх критериев.

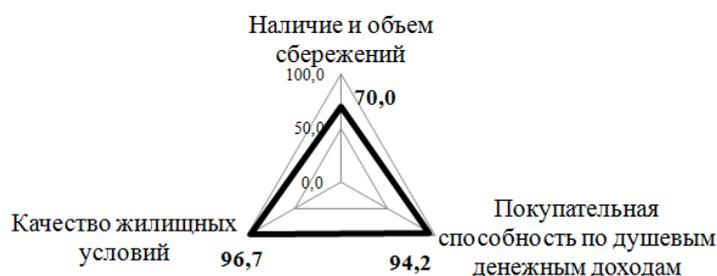

Рисунок 3. Доля домохозяйств с детьми, не преодолевающих критериальные социальные стандарты для определения устойчивого уровня жизни, % (2024 г.)

Figure 3. The Proportion of Households with Children who Do Not Meet the Criteria of Social Standards for Determining a Sustainable Standard of Living, % (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

Из полученных данных следует, что среди домохозяйств с детьми неустойчивым по критерию ПС по доходам является уровень жизни у 94,2% домохозяйств, по критерию сбережений – у 70,0%, а по критерию качества жилищных усло-

вий – у 96,7% (рисунок 3). Для домохозяйств без детей доля таких ниже, но также является значительной: по ПС по доходам – 87,9% домохозяйств, по сбережениям – 67,4%, по качеству жилищных условий – 75,2% (рисунок 4).

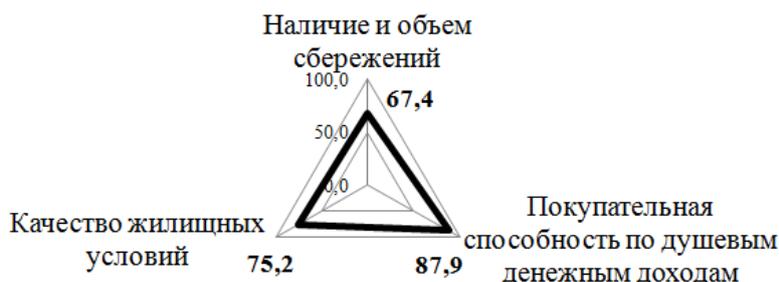

Рисунок 4. Доля домохозяйств без детей, не преодолевающих критериальные социальные стандарты для определения устойчивого уровня жизни, % (2024 г.)

Figure 4. The Proportion of Households without Children who Do Not Meet the Criteria of Social Standards for Determining a Sustainable Standard of Living, % (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

⁹ Учитывался вопрос и варианты ответа на него: если все члены семьи лишатся всех источников дохода, как долго она сможет материально жить так же, как живет сейчас, то есть, не уменьшая расходов, только за счёт денежных сбережений, ничего не продавая из имущества? – (1) полгода и больше, (2) несколько месяцев, (3) не больше месяца, (4) не больше двух недель, (5) не больше недели или (6) ни одного дня. Устойчивость по критерию сбережений определялась при ответах (1) или (2), неустойчивость – с (3) по (6).

¹⁰ ОБДХ охватывает около 48 тыс. домохозяйств. Система доступа к результатам обследования // Росстат: [сайт]. URL: <https://obdx.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).

Применение комплексного измерения (рисунок 5) позволяет уточнить оценки, полученные при одномерном измерении (рисунки 3 и 4). Так, доля имеющих неустойчивый уровень жизни среди домохозяйств с детьми снижается с 70,0% (сбе-

режения)/94,2% (ПС по доходам)/96,7% (качество жилищных условий) до 65,2% при интегральном оценивании, среди домохозяйств без детей – с 67,4%/87,9%/75,2% до 48,5%.

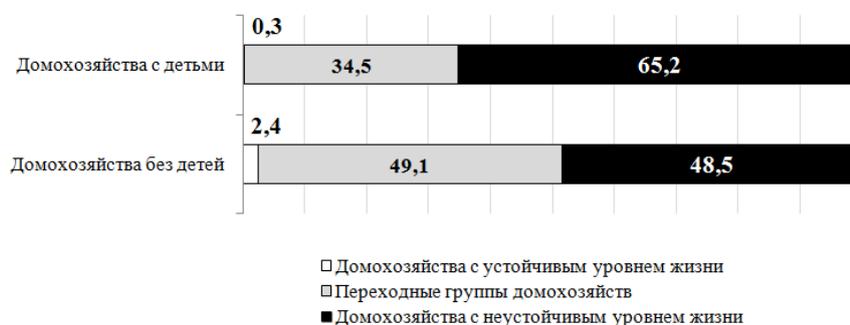

Рисунок 5. Распределение домохозяйств в зависимости от (не)устойчивости их уровня жизни, % (2024 г.)

Figure 5. Distribution of Households Depending on the (Un)sustainability of Their Standard of Living, % (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

В домохозяйствах с неустойчивым уровнем жизни (с детьми – 65,2%, без детей – 48,5%) обеспечено простое или суженное воспроизводство уровня жизни. ПС по доходам в этих домохозяйствах не достигает критериального стандарта (3,7 ПМ). Жилищная обеспеченность в домохозяйствах этих групп также не достигает социально приемлемого стандарта, т.е. жилищные условия домохозяйств (в которых в том числе проживают дети) являются наиболее плохими, плохими или ниже социально приемлемых. Кроме того, в этих домохозяйствах отсутствуют сбережения или их объёма недостаточно, чтобы обеспечить устойчивость потребления в случае наступления неблагоприятных обстоятельств или накопление для улучшения жилищных условий.

Домохозяйства в группах с неустойчивым уровнем жизни «неоднородны» по своему составу с точки зрения достигнутых стандартов ПС по доходам и качества жилищных условий (при отсутствии устойчивости по критерию сбережений) (рисунок 6). Наиболее уязвимое положение – в домохозяйствах (подгруппа I), где не обеспечены минимальные стандарты (ПС по доходам менее 1 ПМ при наиболее плохих жилищных условиях), т.е. воспроизводство уровня жизни в этих домохозяйствах является суженным. Эти группы домохозяйств (среди домохозяйств без детей таких выявлено 1,8%, с детьми – 5,0%) характеризуются глубиной неустойчивости, наибольшим «разрывом» относительно критери-

альных стандартов устойчивого уровня жизни. Уязвимое положение (подгруппа II), при котором суженное воспроизводство уровня жизни обусловлено не достижением низких стандартов (ПС по доходам и/или качеством жилищных условий), выявлено у 17,3% домохозяйств без детей и 33,7% домохозяйств с детьми. Остальные домохозяйства (29,4% – без детей, 26,5% – с детьми) смогли обеспечить более высокие ПС по доходам и качество жилищных условий, но они всё равно не достигают критериальных стандартов, открывающих расширенное воспроизводство уровня жизни и его устойчивость, оставляя эти домохозяйства в группах с неустойчивым уровнем жизни (подгруппа III).

В переходные группы попали 49,1% домохозяйств без детей и 34,5% домохозяйств с детьми, у которых для достижения устойчивого уровня жизни недостаточно одного или двух критериев. Эти группы домохозяйств – ближайшая «периферия» групп домохозяйств с устойчивым уровнем жизни. Качественные улучшения в стандартах жизни этих домохозяйств, которые на текущий момент по одному либо двум критериям не преодолевают «границу» устойчивости, позволят им в перспективе перейти в группы домохозяйств с устойчивым уровнем жизни. Так, части домохозяйств не достаёт устойчивости только по одному из трёх критериев (таблица 2, группы (i)-(iii)): 13,2% среди домохозяйств без детей и 3,8% среди домохозяйств с детьми.

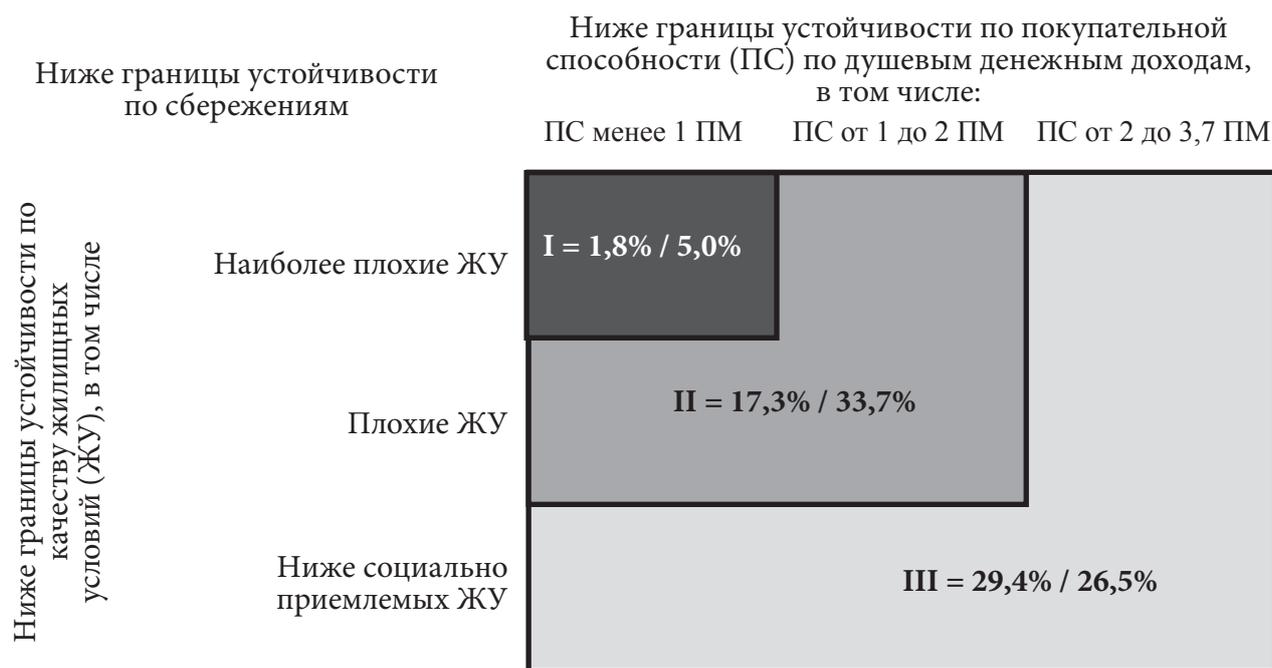

Рисунок 6. Группировка домохозяйств (без детей/с детьми) с неустойчивым уровнем жизни в зависимости от глубины неустойчивости (2024 г.)

Figure 6. Grouping of Households (without Children/with Children) with Unsustainable Living Standards Depending on the Depth of Unsustainability (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

Однако для большей части домохозяйств в переходных группах перемещение в группы с устойчивым уровнем жизни потребует улучшения ситуации одновременно по двум критериям (таблица 2, группы (iv)–(vi)). Проведённый анализ состава и сочетания критериев, по которым домохозяйства не достигают критериальных социальных стандартов, показал, что среди домохозяйств без детей чаще всего «ограничением» для перехода в группу с устойчивым

уровнем жизни являются недостаточные ПС по доходам и качество жилищных условий (таблица 2, группа iv) – 19,6%, т.е. «базовые» составляющие уровня жизни. Ещё у 12,6% домохозяйств без детей качество жилищных условий, напротив, соответствует критериальным стандартам, однако по двум другим критериям (таблица 2, группа v) они не достигают необходимых требований для попадания в группу с устойчивым уровнем жизни.

Таблица 2

Распределение домохозяйств по критериям, по которым они не достигают требований социальных стандартов для идентификации устойчивого уровня жизни, 2024 г.

Table 2

The Distribution of Households by Criteria According to which They Do Not Meet the Requirements of Social Standards to Identify a Sustainable Standard of Living, 2024

Критерии, по которым домохозяйства не достигают требований социальных стандартов для идентификации устойчивого уровня жизни	Домохозяйства без детей*	Домохозяйства с детьми*
Переходные группы домохозяйств по уровню жизни		
Покупательная способность по душевым денежным доходам (i)	7,3	0,7
Качество жилищных условий (ii)	3,4	2,8
Наличие и объём сбережений (iii)	2,5	0,3
Покупательная способность по душевым денежным доходам + качество жилищных условий (iv)	19,6	26,2

Окончание Таблицы 2

Критерии, по которым домохозяйства не достигают требований социальных стандартов для идентификации устойчивого уровня жизни	Домохозяйства без детей*	Домохозяйства с детьми*
Покупательная способность по душевым денежным доходам + наличие и объём сбережений (v)	12,6	2,0
Наличие и объём сбережений + качество жилищных условий (vi)	3,7	2,5
Итого в переходной группе по уровню жизни	49,1	34,5
Домохозяйства с неустойчивым уровнем жизни		
Покупательная способность по душевым денежным доходам + качество жилищных условий + наличие и объём сбережений (vii)	48,5	65,2

* В % по соответствующей группе домохозяйств (без детей / с детьми).

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

Для домохозяйств с детьми, оказавшихся в переходной группе по уровню жизни, основным «фактором» отсутствия устойчивости является «разрыв» относительно критериальных стандартов в ПС по доходам и качеству жилищных условий (таблица 2, группа iv). Доля таких домохозяйств среди домохозяйств с детьми составляет 26,2%. В этих домохозяйствах жилищные условия не достигают социально приемлемого стандарта, в том числе являются плохими или наиболее плохими. ПС по доходам также не достигает критериального стандарта для определения устойчивого уровня жизни (3,7 ПМ). Несмотря на наличие определённых сбережений, при имеющейся ПС по доходам, их объём может не обеспечить стандарты расширенного воспроизводства уровня жизни. В том числе, это проявляется в нерешенности проблемы качества жилищных условий.

Устойчивый уровень жизни выявлен у небольшой группы домохозяйств – среди домохозяйств без детей доля таких составляет всего 2,4%, среди домохозяйств с детьми таких выявленократно меньше (менее 1,0%). В этих небольших по численности группах домохозяйств обеспечены стандарты расширенного воспроизводства уровня жизни по всем трём критериям: ПС по доходам не ниже критериального социального стандарта (3,7 ПМ), жилищные условия по их качеству характеризуются как социально приемлемые или хорошие, а также имеется страховой финансовый резерв (сбережения) для поддержания (в случае неблагоприятных обстоятельств) данного уровня потребления в течение длительного времени. Полученные оценки подтверждают, что иждивенческая нагрузка (содержание детей) заметно снижает шансы на достижение устойчивого уровня жизни в домохозяйстве. Тем не менее, небольшой группе домохозяйств удалось обеспечить необходимые стандарты уровня жизни для воспитания и развития детей.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают необходимость комплексного подхода к изучению уровня жизни, поскольку учёт только какого-то одного из аспектов не даёт полной, «объёмной» картины сложившейся ситуации. При комплексном оценивании неустойчивый уровень жизни выявлен у 65,2% домохозяйств с детьми и 48,5% – без детей. В случае одномерного анализа к числу характеризующихся неустойчивым уровнем жизни могли бы быть отнесены среди домохозяйств с детьми 70,0% по критерию сбережений, 94,2% по ПС по доходам и 96,7% по качеству жилищных условий; среди домохозяйств без детей – соответственно, 67,4%, 87,9% и 75,2%. Это означает, что масштабы неустойчивого уровня жизни среди домохозяйств в случае однокритериального измерения могли бы быть завышены почти в 1,5-2,0 раза, что исказило бы реальную ситуацию. Аналогично и масштабы устойчивого уровня жизни среди домохозяйств в случае однокритериального оценивания оказались бы кратно завышены: для домохозяйств с детьми – 0,3% в случае многокритериального оценивания и от 3,3% до 30,0% при однокритериальном измерении, для домохозяйств без детей – 2,4% против 12,1%-32,6%.

Предложенный в исследовании подход позволяет изучать проблематику уровня жизни через призму оценивания его (не)устойчивости на основе критериальных социальных стандартов, разграничивающих разные модели потребления, и конкретизировать её в следующих аспектах:

(1) *Социально-экономическое неравенство.* Предложенный автором подход позволяет оценивать расслоение, обусловленное (не)устойчивым уровнем жизни, выявлять на этой основе позиционирование групп в социально-экономических структурах, определяемых по различным критериальным основаниям (таблица 1). Так, по стандартам ПС по доходам ниже границы устой-

чивости позиционируются группы бедных (до 1 ПМ), низко- (1–2 ПМ) и обеспеченных ниже социально приемлемого уровня (2–3,7 ПМ), а выше – обеспеченные на социально приемлемом уровне (3,7–11 ПМ) и высокообеспеченные (11 ПМ и более). Таким образом, граница устойчивости «вписана» в нормативно-статистическую структуру распределения по денежным доходам.

Ранее проведённое исследование [3] позволяет сделать вывод, что выбранная граница устойчивости «вписывается» и в относительную (медианную) структуру распределения по денежным доходам. Она соответствует «переходу» от нижних групп к среднедоходным. При этом ПС групп, располагающихся у «границы перехода» в нормативно-статистической и относительной (медианной) структурах, сопоставима: выше/ниже границы устойчивости в этих двух объективных структурах располагаются группы с сопоставимыми стандартами жизни.

Однозначно определить границу устойчивости в субъективных структурах сложнее. Один из распространённых вариантов таких структур – выявление на основе самооценок финансового положения групп с разными стандар-

тами потребления по шкале от «Доходов не хватает даже на еду» до «Средств достаточно, чтобы купить всё, что считаем нужным». Полученные оценки на основе микроданных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата (таблица 3) показывают определённую неконсистентность структур при объективном и субъективном оценивании уровня жизни. Значительной является доля устойчивых по ПС по доходам среди тех, кому денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно (62,5%), и кому денег хватает на еду и одежду, но они не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования (75,4%). По объективным критериям (ПС по доходам свидетельствует об устойчивости уровня жизни) у этих групп домохозяйств не должно возникать затруднений с удовлетворением указанных потребностей (оплата жилищно-коммунальных услуг, покупка одежды, товаров длительного пользования). Здесь может иметь место влияние «фактора» достоверности сведений, сообщаемых респондентами, адекватности даваемых оценок реальному положению дел.

Таблица 3

Доля имеющих покупательную способность по душевым денежным доходам выше критериальной границы устойчивости уровня жизни в зависимости от самооценок положения

Table 3

The Proportion of Those with Purchasing Power per Capita Monetary Income Is Above the Criterion Limit of Sustainability, Depending on Self-assessments of the Situation

Самооценка финансового положения*	В % (2023 г.)	Самооценка по 9-балльной шкале («лестница» от «1» – «нищие» до «9» – «богатые»)**	В % (2024 г.)
Не хватает денег даже на еду (I)	–***	Низшая ступень (нищие)	0,8
Денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно (II)	62,5	2	2,6
Денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования (III)	75,4	3	7,3
Денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи (IV)	91,4	4	9,4
Средств достаточно, чтобы купить всё, что считают нужным (V)	95,2	5	11,5
		6	16,2
		7	15,0
		8	10,2
		Высшая ступень (богатые)	41,7

* Оценка на основе микроданных ОБДХ Росстата. В % по домохозяйствам.

** Оценка на основе микроданных 33 волны РМЭЗ. В % по населению.

*** Недостаточно наблюдений для проведения оценивания.

Источник: оценка автора.

В двух верхних группах по самооценкам финансового положения доля устойчивых по ПС по доходам превышает 90%, что говорит о сближении стандартов потребления при их объективном и субъективном оценивании. Устойчивость субъективной верхней группы (V) подкрепляется достаточностью средств для оптимального потребления, предшествующей ей группы (IV) – достаточностью средств для текущего потребления, но необходимостью привлечения сбережений для совершения крупных покупок. Соответственно, субъективная IV группа может располагаться у границы перехода от неустойчивости к устойчивости, V группа (верхняя) – «положительно» дистанцирована от данной границы.

При рассмотрении другой распространённой субъективной структуры («лестница «нищие» – «богатые») доля характеризующихся устойчивостью по ПС по доходам во всех кроме верхней группы незначительна (таблица 3). В группах с 4 по 6, которые идентифицируют группы со средним уровнем жизни [22], доля преодолевающих критериальную границу устойчивости варьирует от менее 10,0% до менее 20,0%. В верхней субъективной группе (богатые) доля таких наибольшая и составляет 41,7%. При этом доля позиционировавших себя в группах с 4 по 9, т.е. в средне- и вышеобеспеченных группах (выше границы устойчивости в социально-экономической структуре), составляет более 60%. Выявленные несоответствия объективного и субъективного измерения по данной шкале могут частично объясняться более комплексным оцениванием ситуации применительно к шкале «нищие» – «богатые», т.е. респонденты могли учитывать не только сложившуюся у них ситуацию с доходами, но и другие параметры (например, жилище и его качество).

В целом полученные результаты свидетельствуют в пользу нецелесообразности применения исключительно субъективного инструментария для оценивания уровня жизни. Восприятие субъективных шкал респондентами, позиционирование себя на данных шкалах может зависеть от степени развитости потребностей респондентов, их ценностей, эмоционального состояния в момент опроса и т.п. Субъективные структуры уровня жизни не пересекаются (частично пересекаются) с выявляемыми объективными измерителями. Расхождения объективно выявляемых показателей уровня жизни с субъективно воспринимаемыми свидетельствует в пользу дискуссионности вопроса доверия субъективным шкалам измерения уровня жизни.

Критериальные стандарты качества жилищных условий и сбережений для выявления (не) устойчивого уровня жизни также «вписываются» в социально-экономическую структуру, соответствуя границам перехода к группам со средним и выше уровнем жизни. Они коррелируются с применяемыми в других исследованиях для идентификации групп со средним уровнем жизни (т.н. средних классов) [22; 24; 25], что позволяет говорить о сопоставимых стандартах жизни в группах, выявляемых с точки зрения (не)устойчивости уровня жизни и социально-экономического неравенства.

(2) *Прекаризация*. Предложенный подход позволяет выявить ситуацию, характеризующую неустойчивость уровня жизни, и оказавшиеся в ней домохозяйства. Она сопряжена с уязвимостью, ненадежностью, вызванной объективными обстоятельствами, связанными с недоступностью социально приемлемых стандартов потребления, качества жилищных условий, с отсутствием финансового резерва для «страхования» на случай наступления рисков снижения стандартов потребления (снижение или потеря доходов).

Прекаризация является актуальной проблематикой современных исследований и наиболее всего проработана применительно к сфере занятости (неустойчивость (прекаризованность) занятости) (см., например [31; 32; 33]). Применительно к уровню жизни тема прекаризации проработана, прежде всего, в части качества условий проживания, в том числе жилища [7; 8; 9; 10; 11; 12; и др.]. В данном исследовании соединяются несколько аспектов, свидетельствующих об имеющейся прекаризации, – касающиеся условий проживания и ресурсов для обеспечения стандартов текущего потребления и страхования рисков их снижения.

Рассмотрение полученных результатов в ракурсе прекаризованности уровня жизни домохозяйств (таблица 4) позволяет сделать вывод, что у 48,5% домохозяйств без детей и 65,2% домохозяйств с детьми имеется высокая концентрация признаков прекаризации (по трем критериям не выполняются требования критериальных социальных стандартов). У 49,1% и 34,5% домохозяйств концентрация признаков (один-два) является умеренной. Как показано выше (таблица 2), чаще всего прекаризованность обусловлена недоступностью социально приемлемых стандартов по ПС по доходам и качеству жилищных условий.

Таблица 4

Соотнесение классификации домохозяйств по (не)устойчивости уровня их жизни и по его прекаризованности

Table 4

Correlation of Household Classification by (Un)sustainability of Their Standard of Living and by its Precarization

Классификация домохозяйств на основе оценивания (не)устойчивости уровня их жизни		Классификация домохозяйств на основе оценивания прекаризованности уровня их жизни		Доля группы среди домохозяйств без детей/ с детьми**
Наличие и число критериев, по которым домохозяйства не достигают критериальных социальных стандартов	Группы домохозяйств по (не)устойчивости уровня их жизни	Концентрация признаков прекаризации*	Группы домохозяйств по прекаризованности уровня жизни на основе концентрации признаков	
Критерии отсутствуют	Домохозяйства с устойчивым уровнем жизни	Признаки прекаризации отсутствуют	Домохозяйства с устойчивым (непрекаризованным) уровнем жизни	2,4%/0,3%
Имеются один или два из трёх*** критериев	Переходные группы домохозяйств	Умеренная концентрация признаков (один или два из трёх)	Переходные группы домохозяйств	49,1%/34,5%
Имеются все три критерия	Домохозяйства с неустойчивым уровнем жизни	Высокая концентрация признаков (три из трёх)	Домохозяйства с прекаризованным уровнем жизни	48,5%/65,2%

*О прекаризованности свидетельствует не достижение критериальных социальных стандартов.

** Оценка на основе микроданных 33 волны РМЭЗ.

*** Покупательная способность по душевым денежным доходам/ наличие и объём сбережений/ качество жилищных условий.

Источник: составлено автором.

(3) *Социальная мобильность*. Дифференциация понятий (не)устойчивости и (не)стабильности уровня жизни позволяет выделить динамический аспект его исследования, в практической (прикладной) плоскости обеспечить проведение мониторингового панельного наблюдения за ситуацией, отслеживая перемещение домохозяйств между группами с учётом изменения характеристик устойчивости. Этот аспект детализированно, с точки зрения количественных оценок, в данной работе не рассматривался. Вместе с тем, имеющиеся наработки в данном направлении позволяют говорить о важности данного ракурса исследований для составления «объёмной», более полной картины ситуации с уровнем жизни в домохозяйствах. Как выявлено нами в более ранних исследованиях [4], имеющаяся (на момент замера) характеристика (не)устойчивости положения домохозяйств результирует определённую динамику ситуации (для выбранного периода измерения): для одних домохозяйств (не)устойчивость их положения является стабильной характеристикой, для других – «благоприобретённой» в рассматриваемый период, т.е. их положение улучшилось/ухудшилось и приобрело

новое качество с точки зрения (не)устойчивости. Данный ракурс позволяет рассматривать ситуацию с (не)устойчивостью уровня жизни домохозяйств в контексте выявления «хронического» характера имеющейся неблагоприятной ситуации, «чувствительности» характеристики (не)устойчивости уровня жизни к различным «факторам» (например, временной – с течением времени, изменение ситуации в домохозяйствах в других сферах – изменение состава домохозяйства) и пр.

Развиваемый подход к изучению уровня жизни позволяет выработать дифференцированные меры государственной политики по повышению уровня жизни домохозяйств и его устойчивости. Как показали полученные оценки, значительная доля домохозяйств (с детьми – 65,2%, без детей – 48,5%) требуют комплексных мер регулирования в сфере повышения уровня жизни в связи с неустойчивостью их положения, обусловленных недостаточностью ресурсов для обеспечения социально приемлемых стандартов текущего потребления, жилищных условий и «страхования» от рисков снижения (утраты) устойчивости. В других группах домохозяйств ситуация требует

более «точечных» мер – для повышения устойчивости по одному (3,8% и 13,2%) или двум (30,7% и 35,9%) из критериев уровня жизни с учётом их конкретных сочетаний.

Предложенные в работе критериальные стандарты можно рассматривать в качестве «нормативной рамки», к которой целесообразно подтягивать фактические параметры уровня жизни домохозяйств для достижения его устойчивости. Она также может выступать ориентиром для актуализации применяемых в социальной политике нормативов в области регулирования уровня жизни.

Заключение

Полученные результаты развивают исследование уровня жизни домохозяйств в парадигме «устойчивость»–«неустойчивость». Научная новизна состоит в комплексном оценивании (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств на основе «нормативной рамки», включающей критериальные социальные стандарты ПС по доходам, сбережений, качества жилищных условий. Апробирование данного инструментария позволило провести классификацию домохозяйств по

(не)устойчивости уровня их жизни и получить количественные оценки их представленности среди домохозяйств. Выявлено, что устойчивый уровень жизни характеризует 0,3% домохозяйств с детьми и 2,4% домохозяйств без детей, неустойчивый уровень жизни – 65,2% и 48,5% домохозяйств, остальные домохозяйства (34,5% и 49,1%) находятся в переходных группах. Показано, что применение интегрального оценивания устойчивости уровня жизни позволяет уточнить оценки позиционирования домохозяйств по сравнению с однокритериальным оцениванием, что подтверждает выдвинутую гипотезу исследования.

В дальнейших исследованиях необходимо более предметно проработать динамический аспект устойчивости уровня жизни – (не)стабильность (не)устойчивости уровня жизни, её особенности для разных типов домохозяйств, на разных этапах жизненного цикла домохозяйств. Также актуальным является детальное рассмотрение детерминант (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств (связанных с социально-демографическим составом, уровнем и качеством занятости в домохозяйствах и пр.).

Список источников

1. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: вызов или решение? // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 EDN FPPXUQ
2. Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Есть ли взаимосвязь между сберегательным поведением населения, доверием к финансовым институтам и установками на сбережение в современной России? // Экономическая социология. 2024. Том 25. № 3. С. 510100. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-3-51-100> EDN JKTOEG
3. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 3. С. 84–105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 EDN RXGWDH
4. Социально-трудовое положение российских домохозяйств с детьми (2022–2024 гг.): риски и возможности: [научная монография] / [авторский коллектив: Е. В. Одинцова, А. А. Гулюгина, Е. Е. Гришина [и др.]; под редакцией Е.В. Одинцовой. Ижевск: Шелест, 2025. 228 с. ISBN 978-5-908023-14-6 EDN WXJZVE
5. Demertzis M., Domínguez-Jiménez M., Lusardi A. The Financial Fragility of European Households in the Time of COVID-19. Policy Contribution. 2020;15:1-16.
6. Kleimeier S., Hoffmann A.O.I., Broihanne M.-H., et al. Determinants of Individuals' Objective and Subjective Financial Fragility During the COVID-19 Pandemic. Journal of Banking and Finance. 2023;153:106881. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2023.106881>
7. Waldron R. Generation Rent and Housing Precarity in Post Crisis Ireland. Housing Studies. 2021;38(2):181–205. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1879998>
8. Clair A., Reeves A., McKee M., et al. Constructing a Housing Precariousness Measure for Europe. Journal of European Social Policy. 2019;29(1):13–28. <https://doi.org/10.1177/0958928718768334>
9. Chen H.Y., McFarlane C. Density and Precarious Housing: Overcrowding, Sensorial Urbanism, and Intervention in Hong Kong. Housing Studies. 2023;40(1):27–45. <https://doi.org/10.1080/02673037.2023.2280033>
10. Debrunner G., Hofer K., Wicki M., et al. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home. Journal of the American Planning Association. 2024;90(4):610–626. <https://doi.org/10.1080/01944363.2023.2291148>
11. Jaatsi M., Kymäläinen P. Navigating Precarity in Everyday (Sub)urban Space in Helsinki, Finland. City and Society. 2023;35(2):77–88. <https://doi.org/10.1111/ciso.12461>
12. Одинцова Е.В. Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 184–196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 EDN EFGOQY

13. Аникин В.А., Нагерняк М.А., Воронина Н.Д. Концепция благополучия в общественных науках // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 319–341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2800> EDN BLUNWT
14. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
15. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / под общ. ред. В.Н. Бобкова. 2-е изд., дополненное и переработанное. М.: ВЦУЖ; «Русаки», 2014. 409 с. ISBN 978-5-296-00577-4 EDN VUPCVP
16. Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Измерение устойчивости домохозяйств: 1994–2017 гг. // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 55–86. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7053> EDN YTSREB
17. Natarajan N., Newsham A., Rigg J., Suhardiman D. A Sustainable Livelihoods Framework for the 21st Century. *World Development*. 2022;155:105898. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.105898>
18. Preoteasa A.M., Sieber R., Budowski M., Suter C. Household Role in Coping with Precarious Work. Evidence from Qualitative Research in Urban Romania and Switzerland. *Social Change Review*. 2016;14(2):177-201. <https://doi.org/10.1515/scr-2016-0027>
19. Donou-Adonsou F., Leslie-Piper N. BNPL and Financial Fragility in U.S. Households. *Finance Research Letters*. 2025;86(A):108423. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.108423>
20. Гулюгина А.А., Чащина Т.В. Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 556–571. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571 EDN SSXEEK
21. Гришина Е.Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // Финансовый журнал. 2024. Том 16. № 1. С. 45–60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> EDN KMRVZJ
22. Средние классы в капиталистической России: [научная монография] / под ред. В.Н. Бобкова. Второе издание, стереотипное. М.: КноРус, 2019. 208 с. ISBN 978-5-406-00366-4 EDN VAISCV
23. Gulyugina A., Odintsova E. On the Economic Sustainability of Russian Households at a Socially Acceptable Level. *Stanovništvo*. 2024;62(2):267-291. <https://doi.org/10.59954/stnv.646>
24. Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3(27). С. 109–139. EDN UKWDDV
25. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008. 200 с. ISBN 978-5-9506-0370-9
26. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. ISBN 978-5-7777-0873-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708731> EDN XJGBFE
27. Мареева С.В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090012> EDN QXFQCV
28. Gentili M., Hoekstra J. Homeownership Out of Reach? Intergenerational Transfers and Homeownership Reproduction in Middle Class Families in Rome, Italy. *Cities*. 2021;116:103277. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103277>
29. Розинская Н.А., Дробышевская Т.А. Количественные оценки межпоколенческой мобильности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5(57). С. 93–111. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-6> EDN TUQAJQ
30. Rohenkohl B. Intergenerational Income Mobility: New Evidence From the UK. *The Journal of Economic Inequality*. 2023;21:789-814. <https://doi.org/10.1007/s10888-023-09577-7>
31. Бобков В.Н. О концепции проблематики современной экономики труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 EDN COHNCQ
32. От precarious занятости к прекарнизации жизни: [коллективная монография] / Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова [и др.]; под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Весь Мир, 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN VOKUSY
33. Кученкова А.В. Прекарнизация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 101–120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> EDN FSNBZJ

Информация об авторе:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Bobkov O.N., Veredyuk O.V. De-Standardisation of Employment: Challenge or Solution? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 (In Russ.)
2. Kuzina O., Moiseeva D. Is There a Relationship Between Household Saving Behavior, Trust in Financial Institutions and Saving Attitudes in Contemporary Russia? *Journal of Economic Sociology*. 2024;25(3):51-100. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-3-51-100> (in Russ.)
3. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Kolmakov I.B. Normative-Statistical and Relative Median Approaches to the Study of Population Differentiation by Standard of Living. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. 2025;(3):84-105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 (In Russ.)
4. Odintsova E.V. (ed.), Gulyugina A.A., Grishina E.E., et al. Social and Labour Position of Russian Households with Children (2022-2024): Risks and Opportunities. Scientific Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2025. 228 p. ISBN 978-5-908023-14-6 (in Russ.)
5. Demertzis M., Domínguez-Jiménez M., Lusardi A. The Financial Fragility of European Households in the Time of COVID-19. *Policy Contribution*. 2020;15:1-16
6. Kleimeier S., Hoffmann A.O.I., Broihanne M.-H., et al. Determinants of Individuals' Objective and Subjective Financial Fragility During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Banking and Finance*. 2023;153:106881. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2023.106881>
7. Waldron R. Generation Rent and Housing Precarity in Post Crisis Ireland. *Housing Studies*. 2021;38(2):181–205. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1879998>
8. Clair A., Reeves A., McKee M., et al. Constructing a Housing Precariousness Measure for Europe. *Journal of European Social Policy*. 2019;29(1):13–28. <https://doi.org/10.1177/0958928718768334>
9. Chen H.Y., McFarlane C. Density and Precarious Housing: Overcrowding, Sensorial Urbanism, and Intervention in Hong Kong. *Housing Studies*. 2023;40(1):27–45. <https://doi.org/10.1080/02673037.2023.2280033>
10. Debrunner G., Hofer K., Wicki M., et al. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home. *Journal of the American Planning Association*. 2024;90(4):610–626. <https://doi.org/10.1080/01944363.2023.2291148>
11. Jaatsi M., Kymäläinen P. Navigating Precarity in Everyday (Sub)urban Space in Helsinki, Finland. *City and Society*. 2023;35(2):77–88. <https://doi.org/10.1111/ciso.12461>
12. Odintsova E.V. Precariousness of Living Conditions of the Population: Measurement Approaches and Quantitative Estimates. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):184-196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 (in Russ.)
13. Anikin V.A., Nagernyak M.A., Voronina N.D. The Concept of Well Being in Social Sciences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;6:319-341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2800> (in Russ.)
14. Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (eds.), et al. *Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniya Rossii: ot Real'nosti k Proektirovaniyu Budushchego*. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
15. Bobkov V.N. (ed.). *Social Policy, Standard and Quality of life*. Dictionary. Moscow: All-Russian Centre of Living Standard, Publishing House Rusaki; 2014. 409 p. ISBN 978-5-296-00577-4 (In Russ.)
16. Voronin G.L., Zakharov V.Y., Kozyreva P.M. Measuring the Stability of Households: 1994–2017. *Sotsiologicheskiy Zhurnal=Sociological Journal*. 2020;26(1):55-86. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7053> (in Russ.)
17. Natarajan N., Newsham A., Rigg J., Suhardiman D. A Sustainable Livelihoods Framework for the 21st Century. *World Development*. 2022;155:105898. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.105898>
18. Preoteasa A.M., Sieber R., Budowski M., Suter C. Household Role in Coping with Precarious Work. Evidence from Qualitative Research in Urban Romania and Switzerland. *Social Change Review*. 2016;14(2):177-201. <https://doi.org/10.1515/scr-2016-0027>
19. Donou-Adonsou F., Leslie-Piper N. BNPL and Financial Fragility in U.S. Households. *Finance Research Letters*. 2025;86(A):108423. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.108423>
20. Gulyugina A.A., Chashchina T.V. Standard of Living of Households with Children in Modern Russia: Risk Factors. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):556–571. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571 (In Russ.)
21. Grishina E.E. Financial Situation of Large Families and Factors of Their Income Growth. *Financial Journal*. 2024;16(1):45–60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> (In Russ.)
22. Bobkov V.N. (ed.). *Middle Classes in the Capitalist Russia*. Scientific Monograph. 2 ed., stereotip. Moscow: Publishing House KnoRus; 2019. 208 p. ISBN 978-5-406-00366-4 (In Russ.)
23. Gulyugina A., Odintsova E. On the Economic Sustainability of Russian Households at a Socially Acceptable Level. *Stanovnistvo*. 2024;62(2):267–291. <https://doi.org/10.59954/stnv.646>

24. Maleva T.M., Burdyak A.Ya., Tyndik A.O. Middle Classes at Different Stages of Life Course. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2015;(3(27)):109-139 (In Russ.)
25. Rossiiskie Srednie Klassy Nakanune i na Pike Ehkonomicheskogo Rosta. Moscow: Publishing House Ekon-Inform; 2008. 200 p. ISBN 978-5-9506-0370-9 (In Russ.)
26. Tikhonova N.E. (ed.). Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 424 p. ISBN 978-5-7777-0873-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708731> (in Russ.)
27. Mareeva S.V. Monetary and Non- Monetary Inequalities in Modern Russian Society: Dynamics of the Recent Decade. *Sotsiologicheskie issledovaniy=Sociological Studies*. 2024;(9):3-16. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090012> (In Russ.)
28. Gentili M., Hoekstra J. Homeownership Out of Reach? Intergenerational Transfers and Homeownership Reproduction in Middle Class Families in Rome, Italy. *Cities*. 2021;116:103277. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103277>
29. Rozinskaya N.A., Drobyshevskaya T.A. Quantitative Estimates of Intergenerational Mobility. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2022;(5(57)):93-111. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-6> (In Russ.)
30. Rohenkohl B. Intergenerational Income Mobility: New Evidence From the UK. *The Journal of Economic Inequality*. 2023;21:789-814. <https://doi.org/10.1007/s10888-023-09577-7>
31. Bobkov V.N. On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):355-370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 (In Russ.)
32. Toshchenko Zh.T. (ed.), Anisimov R.I., Belova N.I., et al. Ot Prekarnoi Zanyatosti k Prekarizatsii Zhizni. Coll. Monograph. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> (In Russ.)
33. Kuchenkova A.V. Employment Precarization and Subjective Well-Being of Employees in Different Age Groups. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2022;28(1):101-120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> (in Russ.)

Information about the author:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.